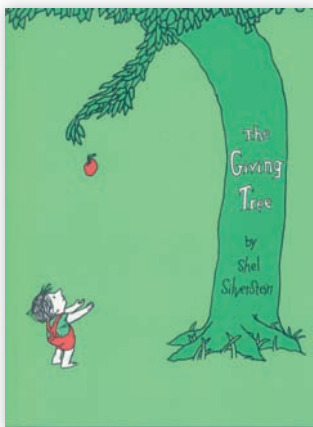
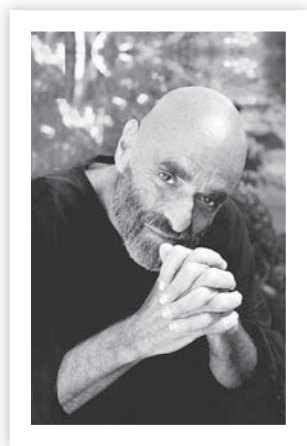

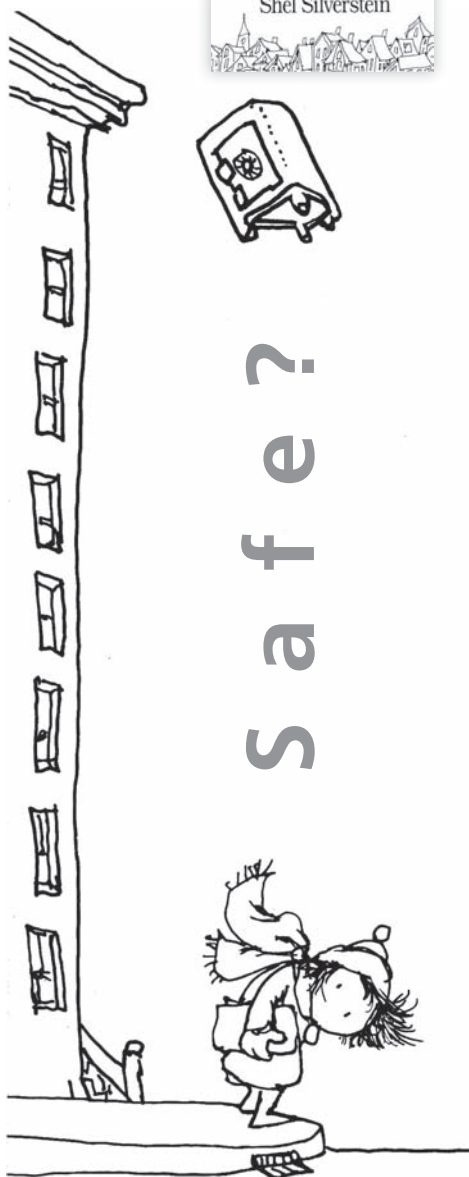
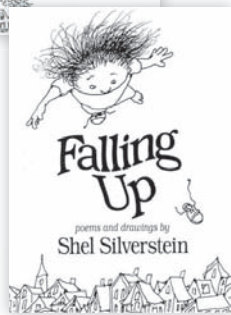
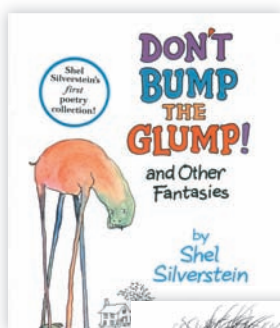
Е. Р. Ватсон,
к.фил.н., доцент, кафедра иностранных языков МИОО,
г. Москва

Лучшее из аутентичной англоязычной детской поэзии Шела Сильверстина на уроках английского языка

Шел Сильверстин (1930–1999) — ветеран корейской войны, в армии научившийся играть на гитаре, автор песен, ставших хитами в репертуаре многих знаменитых исполнителей, таких, как Джонни Кэш и Айриш Роуверз, художник-карикатурист, на протяжении 20 лет остававшийся бессменным и любимым автором карикатур журнала „Плейбой“... Чей послужной список покажется менее соответствующим имиджу детского писателя? И тем не менее именно с таким багажом жизненного опыта (за исключением стажа в „Плейбое“, который к тому времени исчислялся только пятью годами) в начале 1960-х годов Шел Сильверстин явился в издательский дом “Harper & Row” на встречу с легендарным редактором отдела детской литературы Урсулой Нордстром, чтобы побеседовать о возможности публикации его детских книг. Эта встреча послужила началом долгой и чрезвычайно успешной карьеры американского детского писателя Шела Сильверстина — Дяди Шелби, как его любовно прозвали дети.

Одна из его самых первых и по сей день самых популярных книг — **“The Giving Tree”**, выпущенная в 1964 году, не сразу завоевала читательскую любовь. Причина этому кроется, пожалуй, в том, что родители и педагоги были несколько озадачены: что именно хотел сказать в ней автор, каков был его посыл, какой вывод должен был сделать, прочитав ее, ребенок? Другими словами — какова мораль этой своеобразной, одновременно простой и неоднозначной сказки? Сюжет ее заключается в многолетней — длиной в жизнь — дружбе и любви между мальчиком и яблоней. В детстве мальчик любит лазать по веткам яблони, играть с ней и есть ее яблоки, что делает яблоню несказанно счастливой. Ей грустно, когда мальчика нет с ней рядом. Повзрослев, мальчик хочет денег, и яблоня предлагает ему продать свои яблоки. Мальчик рад, и яблоня счастлива, что снова может порадовать его. Но мальчик долго не возвращается, и яблоне снова одиноко и грустно. Мальчик собирается жениться и обзавестись семьей, яблоня с радостью отдает ему свои ветви, чтобы он построил дом. Когда дети мальчика вырастают и покидают отчий дом, ему самому становится грустно, он хочет уплыть в лодке далеко-далеко, и яблоня предлагает ему сделать лодку из своего ствола, и снова счастлива, что может порадовать своего любимца. Счастлива — но не очень. Мальчик надолго пропадает. Когда превратившийся в глубокого старика мальчик снова приходит к яблоне, ей уже нечего ему дать, и это делает ее совсем грустной. Но все, что нужно старику — это посидеть и отдохнуть, а в этом как раз и может помочь ему его яблоня, от которой остался один лишь пенек. И она снова счастлива. Несмотря на необычность сюжета и, особенно, концовки, книга постепенно завоевала сердца и детей, и родителей, и педагогов, и уже на протяжении более полувека остается

одной из самых любимых детских книжек. И одновременно — одной из тех детских книг, что провоцируют самые разнообразные интерпретации и вызывают самые горячие дискуссии о том, годится ли она вообще для детей.

За книгой “**The Giving Tree**” последовало еще десять детских книг¹, шесть из которых — “Uncle Shelby’s Zoo: Don’t Bump the Glump! And Other Fantasies” (1964); “Where the Sidewalk Ends” (1974); “A Light in the Attic” (1981); “Falling Up” (1996); “Runny Babbit” (2005) и “Every Thing On It” (2011) — сборники стихотворений.

На сборниках стихотворений стоит особенно остановиться, поскольку именно они представляют собой наибольшую ценность в качестве материала, который можно эффективно использовать на уроках английского языка.

Стихотворения Шела Сильверстина разнообразны по тематике, длине, использованной лексике и грамматическим конструкциям и чрезвычайно многочисленны. Именно поэтому учителю английского языка не составит труда найти подходящее стихотворение для изучения на любом уровне владения английским языком — от дошкольников до старшеклассников. Разберем лишь некоторые из них, начиная с самых простых, — для самых маленьких.

Safe?²

I look to the left,
I look to the right,
Before I ever
Move my feet.
No cars to the left,
No cars to the right,
I guess it’s safe
To cross the street...

Прекрасное стихотворение на тему дорожного движения, а также изучения понятий *лево / право* по-английски. Минимальное количество слов (18 в общей сложности) — 3 существительных (cars, street, feet), 5 глаголов (be (is), look, move, guess, cross), 3 прилагательных (safe, left, right), 3 наречия (left, right, ever), 3 местоимения (I, it, my), плюс артикль (the), предлог (before) и пара частиц (to, no) — делает это стихотворение доступным для самых юных аудиторий, изучающих английский язык на самом начальном уровне. Особое внимание хочется обратить на разговорное выражение “I guess”, которое ученики сразу могут начать использовать в диалогах и которое придаст их речи более естественное разговорное звучание.

Стихотворение идеально подходит для сценки. Здесь можно учитывать, а можно и не учитывать черный юмор, присутствующий в печатной версии стихотворения, которая включает в себя картинку, на которой на девочку, осторожно переходящую улицу, летит сверху огромный сейф. Картинка дает возможность поговорить о таких распространенных языковых явлениях, как омонимия и полисемия: *safe* — *безопасный*, и *safe* — *сейф, несгораемый шкаф*. В зависимости от возраста учащихся это можно сделать на более или менее углубленном уровне. Учителю английского языка следует

¹ “Who Wants a Cheap Rhinoceros?” (1964); “Uncle Shelby’s Zoo: Don’t Bump the Glump! And Other Fantasies” (1964); “Where the Sidewalk Ends” (1974); “The Missing Piece” (1976); “A Light in the Attic” (1981); “The Missing Piece Meets the Big O” (1981); “Falling Up” (1996); “Draw a Skinny Elephant” (1998) и изданные посмертно: “Runny Babbit” (2005) и “Every Thing On It” (2011).

² Стихотворение из сборника “Falling Up” (1996).— “HarperCollins” (2006).

учесть, что на уроках русского языка эти явления изучаются в 5-м классе, и исходя из этого проиллюстрировать эти явления примерами из английского языка или впервые познакомить с ними детей. Слово *сейф* также дает возможность поговорить о заимствованиях (английское заимствование слова *сейф* в русском языке) и словообразовании в английском языке — как просто английское прилагательное превратилось в существительное и приобрело несколько другое значение.

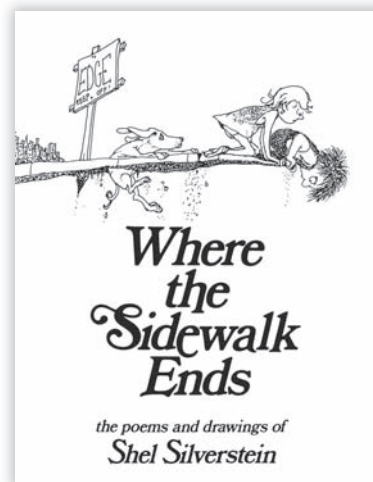
Вот еще одно стихотворение с минимальным количеством слов (19 в общей сложности) на животрепещущую в любом детском коллективе тему о том, как важно делиться.

Sharing³

I'll share your toys, I'll share your money,
I'll share your toast, I'll share your honey,
I'll share your milk and your cookies too —
The hard part's sharing mine with you.

Стихотворение предоставляет учителю замечательную возможность показать детям, как по-разному одно и то же понятие может выражаться в разных языках, как по-разному языки могут позволить подойти к одной и той же проблеме и рассмотреть ее. В русском языке, например, слово *делиться* всегда работает только в одном направлении: от обладателя к необладателю и является производным от глагола *делить*. Обладатель может поделиться своим имуществом с необладателем, то есть разделить свое имущество по своему усмотрению на необязательно равные части и отдать те, что предназначены не себе, а другому человеку или другим людям. В английском же языке глагол *share* может быть двунаправленным, более близким по значению русскому глаголу *разделять* или *иметь что-то общее* (разделять интересы, горести и невзгоды или любовь к чему-то — *we share a love of music*), а также означать не только то, что кто-то кому-то что-то отдает, но и, наоборот, получает (*we shared a cake*, что в переводе на русский язык будет *мы вместе съели торт*, или *мы разделили торт (на двоих / троих... и съели его)*). Поэтому в английском языке вопрос *Will you share it with me?* может быть задан как обладателем, так и необладателем, и в случае, когда его задает необладатель, будет означать *Не поделишься?*, а если его задает обладатель, то по-русски это будет звучать *Будешь...?*, или *Разделишь со мной...?*, или *Давай вместе...?*

Учитывая все это, при первом ознакомлении учеников с данным стихотворением интересно дать им самим прочесть его и попробовать перевести. Или хотя бы попробовать перевести первую строчку — *I'll share your toys, I'll share your money*, которая с точки зрения русскоязычного человека звучит по крайней мере абсурдно, если не издевательски. Здесь-то и будет самое время объяснить детям, что мы зачастую смотрим на мир „глазами своего родного языка“, и что в другом языке на то же понятие люди могут смотреть совсем по-другому. В качестве подкрепляющего примера можно напомнить детям о том, что, например, в своих пальцах на ногах англоязычные люди отнюдь не видят пальцев и очень смеялись бы, если бы их кто-то назвал пальцами. Для них это совсем другая часть тела — *toes* — и „пальцы“ звучит так же смешно, как если бы мы стопы ног назвали бы ладонями. Никогда нельзя упускать момента, чтобы показать детям много-

³ Стихотворение из сборника "Falling Up" (1996).— "HarperCollins" (2006).

гранность мира, неоднозначность понятий и явлений и возможность по-разному смотреть на одно и то же и иметь свое мнение.

Следующее стихотворение построено на каламбуре — игре слов.

Shoe Talk⁴

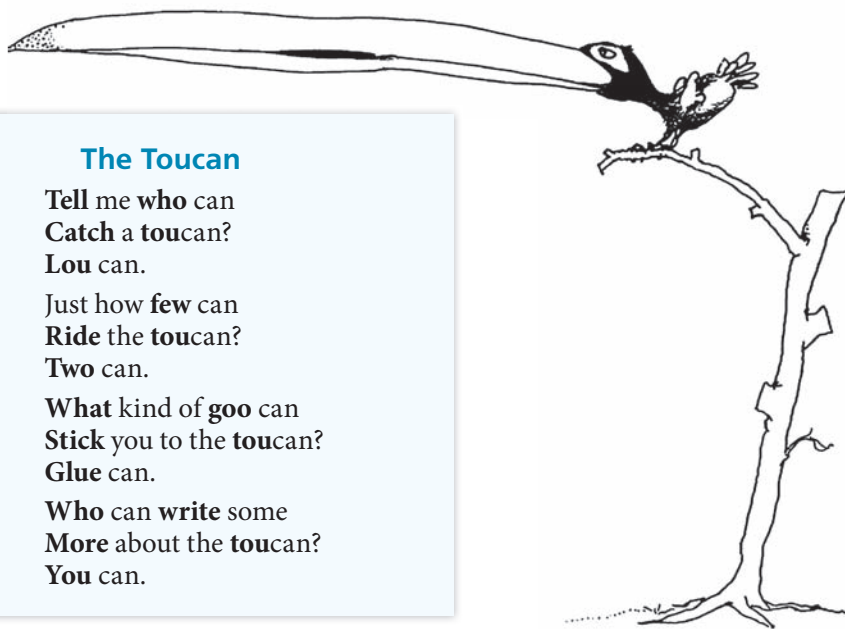
There's no one to talk with –
I'll talk with my shoe.
He does have a tongue
And an inner soul, too.
He's awfully well polished,
So straightlaced and neat
(But he talks about *nothing*
But feet — feet — feet).

При разборе этого стихотворения у учителя появляется отличная возможность поговорить с учениками о многозначных словах и о том, каким образом благодаря метафорическому использованию первоначального — номинального — значения слов появились эти дополнительные значения, впоследствии укоренившиеся в языке и зафиксированные в словаре. Нелишним будет также обсудить с учениками, почему иногда говорят, что словарный состав языка — это кладбище мертвых метафор. Здесь помогут примеры из стихотворения: когда мы говорим о язычке ботинка, мы уже не воспринимаем слово *язычок* как метафору. Язычок ботинка и *shoe tongue* — одинаковая этимологическая метафора как в английском, так и в русском языке. Стельку же по-русски мы не называем *внутренней подошвой* / *подметкой* ботинка — *inner sole*. Здесь можно обсудить, как в русском языке образовалось слово *стелька*. Слова *well polished* (хорошо начищенный — хорошо воспитанный, изысканный), *straightlaced* (аккуратно зашнурованный — строгий, нетерпимый в вопросах нравственности и морали) и *neat* (опрятный — классный) тоже имеют двойные значения, некоторые из которых построены на уже не воспринимающихся как таковые метафорах. Здесь можно вместе с учащимися подумать, какие похожие русские слова существуют для описания характера и поведения человека.

В качестве домашнего задания или прямо на уроке можно попросить учеников найти орфографическую ошибку, которая закралась в это стихотворение. Слова *soul* (душа) и *sole* (подошва) в английском языке — омофоны — пишутся по-разному, а читаются одинаково. Поэтому на слух английская *стелька* звучит и как внутренняя подошва, и как внутренняя душа. Шел Сильверстин намеренно написал *inner soul* вместо *inner sole*, используя игру слов — каламбур — в целях „очеловечивания“ описываемого в стихотворении ботинка. Получилась еще одна этимологическая метафора, ложная, но добавляющая юмор в стихотворение.

А вот чудесное стихотворение для проведения фонетической зарядки в начале урока при повторении или отработке долгого гласного [u:], переднеязычного открытого [æ] и работе над ритмом и ударениями. В столбце справа стихотворение приведено с выделенными жирным шрифтом ударными слогами — на которые падают фразовые ударения.

⁴ Стихотворение из сборника “Falling Up” (1996).— “HarperCollins” (2006).

The Toucan⁵

Tell me who can
Catch a toucan?
Lou can.
Just how few can
Ride the toucan?
Two can.
What kind of goo can
Stick you to the toucan?
Glue can.
Who can write some
More about the toucan?
You can.

The Toucan

Tell me **who** can
Catch a **toucan**?
Lou can.
Just how **few** can
Ride the **toucan**?
Two can.
What kind of **goo** can
Stick you to the **toucan**?
Glue can.
Who can **write** some
More about the **toucan**?
You can.

Птица тукан в английском языке часто произносится с нередуцированным гласным во втором слоге, который в таком случае произносится открыто — [æ] — и не превращается в нейтральный *шва*. Именно так оно и произносится в данном стихотворении. Практически то же самое происходит в остальных строках стихотворения, когда при основном фразовом ударении на подлежащих *Lou*, *two*, *glue*, *you* сказуемое *can* получает второстепенное ударение и не редуцируется.

Стихотворение “The Toucan” легко можно разыграть в виде диалога, а в качестве домашнего задания предложить детям серьезно отнестись к последней строфе стихотворения и продолжить его.

Коротенькое и простое, но полное философского смысла и юмора следующее стихотворение прекрасно подойдет для изучения модальных глаголов и сослагательного наклонения в старших классах.

Woulda-Coulda-Shoulda⁶

All the Woulda-Coulda-Shouldas
Layin’ in the sun,
Talkin’ ’bout the things
They woulda-coulda-shoulda done...
But those Woulda-Coulda-Shouldas
All ran away and hid
From one little *did*.

Длинные из-за своего аналитического строения сложные грамматические конструкции в английском языке всегда вызывают затруднения при их использовании. К таким конструкциям несомненно относятся модальные глаголы в ситуации, имевшей место в прошлом (например, *You should have done it.*), и сослагательное наклонение при описании нереальной ситуации в прошлом (например, *I would / could have done it, but...*).

⁵ Стихотворение из сборника “Where the Sidewalk Ends” (1974).— “HarperCollins” (2004).

⁶ Стихотворение из сборника “Falling Up” (1996).— “HarperCollins” (2006).

Знание правил о том, как и когда их использовать, совершенно необходимо и помогает при составлении предложений с ними, но зачастую это превращается в выстраивание кубиков-слов: одного за другим, в то время как в голове идет мучительный мыслительный процесс (подлежащее — модальный глагол — перфектный инфинитив — а за ним должна быть третья форма основного глагола). В письменной речи, когда есть время все это вспомнить, выстроить и написать, будет хороший результат. В устной же речи результат такого трудоемкого мыслительного процесса будет плачевным: вместо гладкого потока речи пойдут толчки, каждое слово будет произноситься по отдельности, служебные слова, коих здесь основная масса, станут ударными, общий смысл высказывания начнет теряться. Именно поэтому, после теоретического разбора правил, подобные конструкции лучше всего заучивать наизусть как единое целое, как кусок песни, „из которой слова не выкинешь“ (а при составлении кубиков какое-нибудь слово-кубик запросто может потеряться), говоря научным языком — как одно фонетическое слово с правильным фразовым ударением и общим интонационным оформлением. А заучивать наизусть легче всего в песне или стихотворении. Стихотворение “Woulda-Coulda-Shoulda” как раз и предоставляет такую замечательную возможность.

Помимо заучивания наизусть, здесь есть много лингвистических моментов, которые полезно обсудить с учениками. Например, как англоязычный ребенок воспринимает такую сложную конструкцию? Понятно, что не так, как мы, изучающие английский язык как иностранный с точки зрения структурной лингвистики! Он не понимает, что использует ни много ни мало, а перфектный инфинитив! Он даже часто не слышит, что за служебные слова используются в этой конструкции, отчего многие англоязычные дошколята (и даже не особенно грамотные взрослые) на письме изображают эту конструкцию так, как она фонетически звучит в потоке речи — *should of done* вместо *should have done*. Именно отсюда — из фонетического звучания таких конструкций в потоке аутентичной речи, когда в безударном слове *have* иной раз проглатывается даже звук [v], и родилось название этого стихотворения: “Woulda-Coulda-Shoulda” (= Would have — Could have — Should have).

Здесь интересно провести не только лингвистический, но и филологический анализ этого кажущегося таким простым стихотворения, что вполне соответствует возрасту учащихся, с которыми это стихотворение наиболее целесообразно разбирать и в плане грамматики, — старшекласниками. Героями стихотворения выступают два типа персонажей. С одной стороны — собирательные персонажи Woulda-Coulda-Shouldas, с другой — *did* (следует отметить, как легко эти глаголы путем конверсии в английском языке превратились в существительные и стали героями этого маленького произведения). Описание собирательных персонажей Woulda-Coulda-Shouldas заключено всего-то в четырех коротких строчках, а образ получился яркий

и характерный. Происходит это за счет создания их **речевого портрета**: просторечного употребления и вялого, ленивого произношения ряда слов, что выливается в образ ленивых, малообразованных людей.

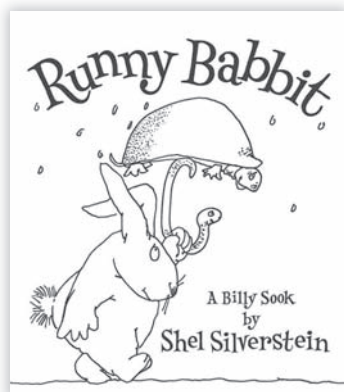
All the Woulda-Coulda-Shouldas
Layin' in the sun,
Talkin' 'bout the things
They woulda-coulda-shoulda done...

Как известно, в английском языке существует два похожих по звучанию глагола: *lay* и *lie*. *Lay* — глагол переходный, означает *укладывать, класть*; *lie* — непереходный, *лежать*. Однако в английском просторечии слово *lay* часто употребляется в значении *lie*. (Здесь так и хочется провести параллель с русским языком: путаем ли мы какие-нибудь глаголы? Вопрос можно задать учащимся, чтобы вспомнили что-нибудь похожее в родном языке, а можно и сразу подсказать: *одевать* и *надевать*, например.) Это грамматически неверное употребление глагола сразу характеризует персонажей Woulda-Coulda-Shouldas как неграмотных и малообразованных. Произношение окончания *-ing* как *[-in]* тоже характерно для просторечия, а также определенных диалектов, причем не только региональных, но и социальных. Кроме того, опущение первого безударного гласного в слове *about* и уже проанализированное произношение глаголов *would have*, *could have* и *should have* завершают образ ленивых, валяющихся на солнце, бесцельно проводящих время и болтающих об упущенных возможностях людей. В противовес им выступает собирательный персонаж *did*. В стихотворении о нем практически ничего не сказано, кроме того что он один и маленький: “one little *did*”. И эта лаконичность характеризует его ничуть не менее ярко, чем распространенное описание Woulda-Coulda-Shouldas: хоть один и маленький, а болтливые лентяи от него разбежались и попрятались.

Данное стихотворение представляет собой ярчайший пример того, насколько емкими и компактными оказываются аутентичные стихотворения для отработки всех языковых аспектов и еще больше — для ознакомления учащихся с основами лингвистики и филологии и проведения сравнительного анализа определенных языковых явлений в родном и иностранном языке. Ни одно специально созданное учебное стихотворение не охватит такой колоссальной по своему объему языковой информации на материале, исчисляющимся семью строчками и двадцатью тремя словами!

И в заключение приведем несколько стихотворений из сборника “**Runny Babbit**”. Как уже можно догадаться по названию сборника, в этих стихотворениях буквы из соседних слов могут меняться местами (Runny Babbit = Bunny Rabbit), а сами стихотворения из-за этого превращаются в головоломки. Такие стихотворения-игры можно использовать на уроках в качестве шуточного теста или соревнования на время — кто быстрее перепишет стихотворение, поставив все буквы на положенные места; а также на викторинах и других праздниках, посвященных английскому языку, в качестве одного из заданий.

RUNNY'S HEADING RABITS⁷

Runny lent to the wibrary
 And there were bundreds of hooks —
 Bistory hooks, beography gooks,
 And lots of bory stooks.
 He looked them over one by one
 And guess which one he took —
 A bience scook? A boetry pook?
 Oh, no — a *bomic cook!*

RUNNY AND THE WORTY FINKS⁸

Runny Babbit, he lay down
 To bleep upon his sed.
 He said, "I'll just catch werty finks —
 I'm feeling dearly nead."
 But oh, it was Fuly the Jourth,
 All bangs and clangs and clinks,
 And 'cause of all the noise that night
 He never caught those werty finks.

Если первое из этих двух стихотворений достаточно простое, и единственная сложность при его расшифровке может заключаться в том, что некоторые переделанные и нуждающиеся в корректировке слова выглядят как настоящие — *heading, hooks*, то для понимания второго потребуются еще и некоторые дополнительные знания. Уже в названии встречается идиоматическое выражение *forty winks*, без знания которого невозможно понять, что же собирается делать Runny. Здесь учитель может либо сразу объяснить, что оно означает, либо обратиться к языковой догадке учеников, познакомив их с другими идиоматическими выражениями со словом *wink*, при этом давая перевод не целиком выражения, а только слова *wink*: *couldn't sleep a wink / haven't slept a wink*.

Непонятно будет стихотворение и в том случае, если не знать, что такое *July the Fourth*, и почему в этот день бывает столько шума. Помимо страноведческой темы о национальных праздниках США, здесь можно также обсудить тему звукоподражания — ономотопеи — в языках: использованные в стихотворении слова *bangs, clangs, clinks* и их возможные русские эквиваленты.

Итак, подводя итог вышесказанному, перечислим все преимущества использования аутентичной поэзии на уроках английского языка:

1. В аутентичных стихотворениях мы находим живой английский язык.
2. На очень компактном, легком для заучивания наизусть материале можно отработать сложные грамматические и лексические конструкции с правильным фонетическим оформлением.
3. Аутентичные стихотворения изобилуют языковой игрой, провоцирующей обсуждение интересных лингвистических моментов, причем — что важно! — характерных не просто для английского языка, а человеческого языка в целом как явления, и дают повод для сравнения иностранного языка с родным, тем самым развивая в учащих аналитическое мышление и логику, умение мыслить научно.

⁷ Стихотворение из сборника "Runny Babbit".— "HarperCollins" (2005).

⁸ Стихотворение из сборника "Runny Babbit".— "HarperCollins" (2005).

Последнее преимущество особенно актуально на современном этапе. Слишком часто мы, учителя иностранного языка, забываем о том, что точно так же, как и учителя русского языка и литературы, мы — учителя-словесники, знакомящие учеников с одним из самых удивительных явлений — человеческим языком! Если мы об этом забываем, то наши ученики об этом и вовсе не догадываются. Для них уроки русского и иностранного языков ничуть не более связаны между собой, чем скажем, уроки литературы и математики. За грамматическими и орфографическими правилами, которыми насыщены наши уроки, целое — язык как явление редко вырисовывается: за деревьями мы не видим леса. И здесь особенно радует, что в новом ФГОС эти три предмета: русский язык, литература и иностранный язык объединены в одном разделе — Филология. А говоря о филологии и лингвистике, нельзя не подчеркнуть, какими возможностями обладают эти два предмета в развитии не только детской души, личности, интеллекта, но и абстрактного аналитического мышления и логики — а это как раз те метапредметные результаты освоения образовательной программы, к которым мы сейчас неслучайно призваны стремиться. Мы привыкли считать, что все это развивается лучше всего точными науками, игрой в шахматы и т. д., и зачастую не задумываемся над тем, что то, чем мы владеем с раннего детства, — язык — предоставляет нам ничуть не худшую, а во многом — лучшую возможность для развития этих способностей и умений хотя бы потому, что здесь нам не приходится изучать сам материал: мы им уже владеем — и требуется лишь обращать внимание на то, что мы уже и так знаем и используем в жизни. Когда же в более старшем возрасте добавляется иностранный язык, он еще больше обогащает эти возможности, предоставляя прекрасный материал для изучения этимологии, сопоставления разных языков, знакомства с понятием языковой картины мира, что, в свою очередь, расширяет кругозор и развивает научное мышление учащихся.

Важно понимать, что большое начинается с малого, и если мы начнем приучать к этому детей в младшем возрасте, используя в качестве материала простенькие аутентичные стихотворения, подобные тем, что обсуждались в данной статье, то на более старшем этапе, когда от учащихся будет ожидать самостоятельное выполнение различных проектных заданий, они не станут устремляться в недра Интернета, охотясь за чужими мыслями и, ловко их компонуя, выдавать за свои, а смогут сами по-настоящему перерабатывать информацию, делать выводы, выражать собственное мнение и создавать что-то свое. А мы с вами, предварительно вооружив учеников навыками научного мышления, задавая проектные задания, не уподобимся диккенсовскому Фейгину, отправлявшему беспризорных детишек на охоту за наживой со словами “You’ve got to pick a pocket or two!”⁹.

⁹ В статье использованы иллюстративные материалы с сайта <http://www.shelsilverstein.com/>